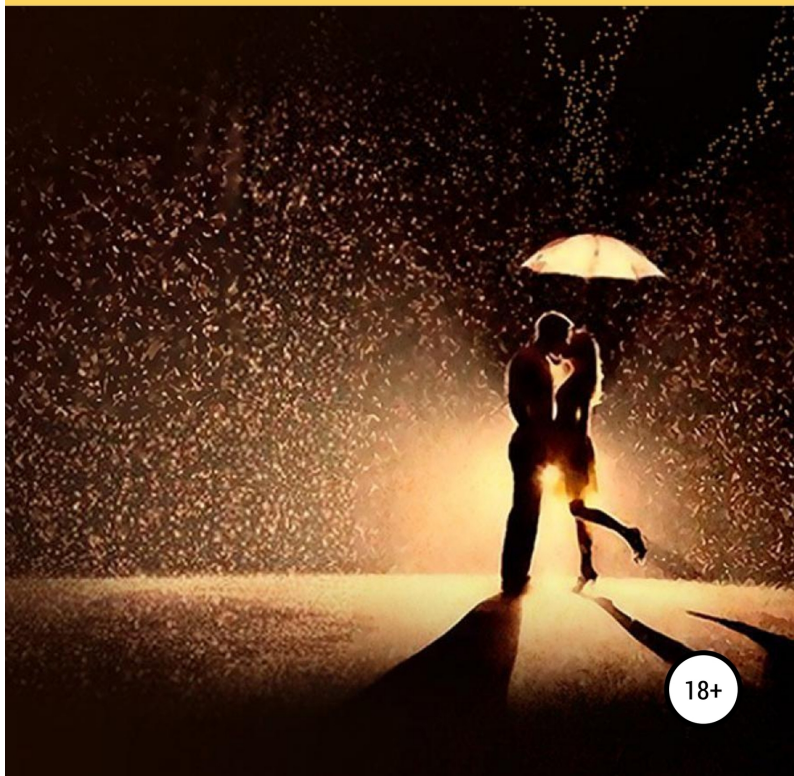

Андрей Бешлык

Звёзды в сточной канаве

18+

Андрей Бешлык

Звёзды в сточной канаве

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42649288

SelfPub; 2019

Аннотация

Мы все – отражение звёзд в сточной канаве. Господь сотворил нас для того, чтобы мы сияли, как звёзды, на его небесах. Но многие люди оказываются настолько слабовольны, что добровольно опускаются в смрадную городскую канализацию. Некоторые, правда, сохраняют в себе способность оттолкнуться от дна и снова двигаться вверх. Помогите нам, Господи, цепляться руками и зубами за крутые берега оврага, чтобы снова взойти на небо.

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Долгий путь домой	9
Часть 2. Палата номер шесть и номер семь	51
Конец ознакомительного фрагмента.	81

*Посвящается ребятам (и девочкам),
побывавшим в чистилище
по известному всему Калининграду адресу
улица Барнаульская, ба.*

*Дай Бог им долгой счастливой жизни
и устойчивой, осознанной трезвости.*

*Если ты заглядываешь в бездну,
то при этом бездна заглядывает в тебя.
(Фридрих Ницше, закончивший жизнь в психбольнице)*

Пролог

– Здравствуйте, меня зовут Алексей, и я алкоголик, – мысленно произнёс я, улыбаясь своему отражению в стеклянной облицовке высотного здания, где располагался офис, в котором я имел счастье трудиться.

Теперь я могу произносить с улыбкой эту фразу, вспоминая как несколько лет не хотел признавать очевидного, и насколько сильно меня раздражало, когда другие тыкали меня носом в собственную проблему:

– Лёха, ты себя в зеркало видел? Ты конченный, хронический алкаш.

Сейчас зеркало было кривым и бликовало от солнца, но свою широкую улыбку я видел неплохо. И улыбался искренне. Мне есть, за что благодарить Бога. Хотя бы за то, что научил меня радоваться трезвым солнечным дням, а не ловить себя на дежурной мысли «Погода шепчет: займи и выпей».

А ещё за то, что сколько бы я во времена не столь отдалённые ни выпивал, он сохранил меня от вполне реальных для сильно пьющих людей опасностей умереть, или остаться инвалидом, или загреметь в места не столь отдалённые.

Улыбался я не симметрично – последние три года правая сторона моего лица поднималась ниже, чем левая, после того как три года назад мне по пьяни сломали челюсть в клу-

бе «Партизан». В разведку из-за особой приметы не пожусь. А я туда никогда особо и не стремился. Поэтому не буду отдавать дурные бабки за косметическую операцию по восстановлению формы лица. Но за другую эстетическую процедуру более скромную сумму стоматологу с радостью отдам.

Увидев в зеркале свою улыбку, я в очередной раз заметил, что мои зубы от кофе, чая и сигарет совсем почернели.

Раньше я бы на это и внимания не обратил, а если бы и обратил, то от мысли о комплексной чистке от зубного камня только скривился, мол, буду я ещё за ерунду платить свои кровные.

Собственно, ради этого я и покинул рабочее место с разрешения директора до окончания рабочего дня.

Надо было успеть к стоматологу, в клинику, приютившуюся в соседнем дворе, ко времени, назначенному врачом.

А потом вернуться на работу, чтобы успеть доделать свои дела до следующей встречи, куда более приятной, чем поход к доктору.

Как назло, два из трёх лифтов в бизнес-центре именно в этот момент сломались.

У оставшегося единственного лифта собрались огромные очереди ленивых офисных планктонов, неспешно ожидавших возможности спуститься пообедать в кафешки на нижних этажах.

Пришлось спускаться более десяти этажей по лестнице. И если не успеют починить лифты, подниматься по возвраще-

нии от врача придётся точно также.

Неплохая пробежка получается, не хуже, чем в фитнес-клубе у меня на районе. Куда я записался месяц назад. Благо, там в тренажёрном зале стоят кондиционеры, и можно заниматься даже летом, не рискуя свалиться без сознания от жары. С нового года хотел записаться в тренажёрный зал, но только в июне руки дошли. Теперь качаюсь в своё удовольствие. Точнее, пока ещё раскачиваюсь первое время потихоньку.

А в бассейн буду уже ближе к следующему новому году ходить. Летом гораздо актуальнее будет съездить на море с...

Ну да, энергия у меня в этот день бьёт ключом.

Бегаю по работе, бегаю по врачам.

Завтра тоже буду бегать, когда в тренажёрном зале на беговую дорожку пойду.

Но не сегодня. Сегодня тренажёрный зал на районе не входит в мои планы.

Только комплексная чистка зубов в перерыве между работой.

А после работы свидание с той, ради которой эта процедура и затевалась. Ради той, для кого я буду упыхиваться в тренажёрном зале, чтобы улучшить фигуру. Той, с кем я очень хочу съездить на море, даже не стесняясь своего неумения плавать, потому что мне важнее полюбоваться как плавает она. То есть, с девушкой моей мечты. Знакомы без году неделя, а я уже стал её мысленно так называть. С первого взгляда.

Точнее, мы познакомились не один месяц назад, но только вчера мне удалось с ней пообщаться толком. И сразу же она позволила себя поцеловать.

После чего мне подумалось, что ей было бы гораздо приятнее целовать меня, если бы мой рот был чище.

Когда влюбляешься, становится так естественно желание порадовать любимого человека хоть чем-нибудь.

И так хочется вдохнуть полной грудью, даже если днём душно парит, а вечером может начаться дождь, когда я начинаю вспоминать, что мог бы не увидеть ни этого яркого летнего солнца с узорами облаков вокруг, ни свалившейся неожиданно с неба возлюбленной, ни милой мамы, которой я особенно благодарен. Курю на балконе рядом с офисом, на высоте более десяти этажей, и вспоминаю, как весной в перила балкона гостиничного номера на седьмом этаже судорожно вжимался и думал: «Броситься вниз сейчас, или дожить до следующего дня?»

Но обо всём по порядку.

Часть 1. Долгий путь домой

– Поедешь в командировку, – не терпящим возражений тоном выпалил Владимир Игоревич, вызвав меня в свой просторный кабинет, напрочь им прокуренный, несмотря на запрет курения на рабочих местах.

– Что-то рановато, – подумал я, вспоминая, как уже ездил на подобную конференцию год тому назад. Славно тогда погуляли. Я ещё переживал, что Пасха поздняя, и конференцию назначат на Страстной неделе, когда православным нельзя пить. Чтобы айтишник, да ещё и в командировке, да ещё и имея друзей в Москве, и с ними не надрался? Такого не бывает. На конференции я, конечно, был как стёклышко и ни в одном глазу, зато, как только она закончилась, так я уже на пути к метро первую банку пива тяпнул. Славно погуляли.

Шеф продолжал отдавать указания:

– Девайс со свежим андроидом для презентации возмёшь самый мощный из закреплённых за тобой. Билеты заберёшь у Юли в шесть часов. Выезд на Вильнюс в 22-40 с автовокзала на Московском проспекте. Уж извини, автобусом ЗАО «Кёниг Авто», с неработающим сортиром. Другие по времени не канают. В Вильнюсе встретишься в ресторане «Форто Дварас» с представителями компании Mikrotik, чтобы про-

вести переговоры и подписать договор о закупке их сетевого оборудования. Доверенность на двух языках... – Владимир Игоревич отвлёкся в поисках ручки, чтобы подписать её, – а вечером сядешь в поезд Вильнюс-Москва и будешь в столице за четыре часа до начала конференции. По-моему, времени на всё про всё вполне достаточно.

– Более чем достаточно, – подтвердил я, на самом деле, прикидывая, останется ли ещё хоть сколько-нибудь, чтобы в Литве поразвлечься.

Когда я уже повернулся к выходу из кабинета, директор окликнул меня ещё раз:

– Лёха...

Я обернулся и ждал, пока он заговорит, собравшись с мыслями.

– Вот ещё что... Не нажирайся хотя бы до Вильнюса. А то три дня назад припёрся к обеду с трясущимися руками.

– Так Пасха ж была, Владимир Игоревич, – робко попытался я оправдаться.

– Православный ты наш, – вздохнул шеф, – башковитый, вроде, пацан. Но разгильдяй. В общем, последнее китайское тебе насчёт гулянок.

– Понял, не дурак, – ответил я, а про себя подумал, что тридцатилетие, всё-таки, обмыть надо. И вспомнил, как говорил мне отец, а ему его отец, мой дед: «Дураком не будешь – не сопьёшься». Но я же не дурак. IQ 134 при среднем значении у мужчин 117 – это вам не фиги воробьям показывать.

Да, дела. Прямо на юбилей хозяин ехать на конференцию заставляет. Как будто бы невозможно проводить её в одну и ту же определённую дату. В прошлом году 11-12 мая была, в этом 26-27 апреля. Бардак. Хотя... Я ещё никогда не проводил день рождения в поезде. Будет о чём рассказать детям и внукам. Спасибо, Владимир Игоревич, спасибо.

* * *

До Вильнюса я не нажрался. Хотя, в кафешке на автовокзале три рюмки коньяка замахнул. Думал, они помогут уснуть в автобусе. Но меня, наоборот, взбодрило так, что я не сомкнул глаз до самого прибытия. И от самой таможни, пока ехали без остановок через всю Литву, я пялился в ночные окна, где не видно дальше своего носа, как дебил, и слушал музыку со служебного планшета, что не помогало разогнать скуку от слова совсем.

Ресторан «Форто Дварас» на улице Пилиес открывался только в десять часов утра, а сейчас не было и семи, и у меня оставалась куча времени, чтобы поснимать панорамные виды литовской столицы с самой высокой её точки, башни Гедиминаса. Бесконечная лестница, ведущая на 143 метра вверх. И, разменяв четвёртый десяток лет, я первый раз в жизни почувствовал, что такое одышка. Недавно читал на одном из новостных порталов города, что рядом с моим домом открылся фитнес-клуб. Может, записаться, что-

бы пивной живот не рос? Но это же надо три раза в неделю тренироваться. Либо понедельник-среда-пятница, либо вторник-четверг-суббота. Значит, придётся по пятницам и субботам быть трезвым, – подумал я и смачно зевнул. То ли от усталости после ночи без сна, то ли от осознания того, насколько всё-таки скучно каждую пятницу и субботу быть трезвым.

Я увлёкся рассматриванием музейных экспонатов в башне Гедиминаса, и внезапно выяснилось, что времени далеко не куча. К ланчу с представителями Mikrotik я всё-таки чуть-чуть опоздал. Протолкавшись по запруженным туристами узким улочкам Старого Вильнюса, я увидел, что за столиком на террасе уже сидели два литовца – директор местного представительства и кто-то ещё, по виду его заместитель.

За языковой барьер я не переживал – сорокалетние литовцы отлично говорят по-русски, только с акцентом. Разве что молоденькие официантки ресторана, родившись уже в независимой Литве, по-русски не понимают. Но я могу и по-английски. Или партнёры сделают заказ на родном для них литовском языке.

Интересно, что они пить будут. Если чай или кофе, то придётся мне последовать за ними и тоже обойтись без спиртного, дабы не срамить партнёрскую организацию. А вот если пиво или лёгкое вино, то можно не отказывать себе в удовольствии пропустить кружку восхитительного «Швитурис Балтас» от производителя, что не идёт ни в какое сравнение

с экспортным вариантом, привозимым к нам.

Директор, бывший за рулём, заказал кока-колу, а вот заместитель заказал пиво.

Теперь и я имел моральное право взять себе разливное пиво.

Пока официантки расставляли на столик напитки и закуски, мне вспомнилась песня:

«Я надену галстук на обед –

Мне сегодня тридцать лет».

Но у нас, у айтишников, всё проще – и пиджак у меня джинсовый, и портфель из кожи молодого дермантина, и деловые переговоры между нами проходили с шутками-прибаутками.

В полдень два экземпляра подписанного договора лежали в портфелях – один у местного директора, другой – в моём.

Директор почти сразу умчался на своём джипе, сославшись на занятость, а Римантас (как оказалось, заместителя звали именно так) расслабленно потянулся в удобном кресле и довольно ухмыльнулся:

– Что, Алекс, пора перейти крепким напиткам?

Меню само открылось на странице с картой бара.

В ней значилось целых шесть сортов бренди по жемайтийским рецептам, крепостью от 38 до 56 градусов.

Я стал пересчитывать, достаточно ли наменял наличной валюты перед выездом, чтобы оплатить счёт за всю эту красоту.

Римантас небрежно извлёк из внутреннего кармана карточку и метнул её на поднос:

– Я одноклассники с учредитель заведения. Золотая карта скидка пятьдесят процентов.

Как известно, русский человек жаден до халявы, и мне сразу захотелось попробовать все шесть сортов бренди.

Подумав, я остановился на трёх – самом слабом, самом крепком и самом вкусном.

Римантас, наоборот, не стал мешать разные напитки, и взял двойной коньяк класса VSOP.

Перед выездом я боялся, не обидеть бы литовцев своей патриотической гражданской позицией, зная о преобладающих там антироссийских и проукраинских настроениях.

Но, в отличие от российской армии, не желавшей продвигаться на запад вглубь Украины, тёплый воздух уверенно наступал с востока на запад по всей Прибалтике. Вильнюс уже был им полностью покорён, в отличие от Калининграда.

Когда потягиваешь фирменные сорта бренди в ресторане первого класса, а лицо чуть-чуть обдувает запах едва зазеленевших листьев, поневоле становишься таким добреньким, что хочется всех гладить по головкам.

И вот, я уже поднимаю тост за продолжение дружбы между русскими и литовскими соседями, несмотря на санкции Евросоюза против России. И Римантас соглашается, что простым гражданам интриги правительств ни к чему. Что жителям Вильнюса до того, что Крым перешёл от Украины

к России? Где Вильнюс, а где Крым. Тем более, не хотелось думать о гибели мирных жителей на Донбассе, когда вокруг всё оживает, расцветает и начинает петь, так, что хочется самому затянуть какую-нибудь приятную мелодию.

Римантас рассказал свои впечатления о Калининграде. Оказалось, что хозяин этого ресторана владеет также и рестораном литовской кухни «Брикас» в центре нашего города, от которого у меня сложились самые лучшие впечатления.

В общем, когда мне было пора на поезд, мы с Римантасом крепко жали друг другу руки, как старые добрые друзья. Алкоголь упрощает контакты.

Я неспешно брёл по улицам старого города в сторону вокзала и улыбался, обдумывая тот факт, что командировка – это самый прекрасный из известных мне способов совместить приятное с полезным.

Родственники за пределами области, которых я время от времени посещал, открыто замечали мне в глаза, что я в каждой поездке на стакане.

Но разве я сегодня выпил много? И мог ли я поступить иначе? Это всего лишь издержки профессии. Деловые переговоры означают необходимость распивать спиртные напитки с партнёрами. Неотъемлемая часть делового этикета.

И вообще, многие великие деятели науки и искусства создавали свои неувядаемые произведения, постоянно находясь под градусом.

А чем я хуже?

Почему бы и мне не подстегнуть рюмочкой допинга свои способности любить и творить?

Так я дошёл до ворот Остра Брама. Если поднять глаза от булыжной мостовой, то в арке над воротами можно увидеть чудотворный образ через стекло.

Божья Матерь смотрела на меня с грустью в глазах и еле слышно шептала:

– Выбери жизнь.

Я прошёл ворота насквозь, выйдя на улицы, что были значительно шире и просматривались значительно дальше. Вдохнул весенний воздух полной грудью и подумал:

– А я тогда что выбрал? Смерть? По-моему, то, что со мной сейчас происходит, это и называется жить полной жизнью. Да такого жизнелюба, как я, ещё поискать.

И пошёл дальше в сторону вокзала. Посмотрев на солнечный зайчик в циферблате своих часов, я прикинул, что времени до поезда полно, и можно зайти в привокзальный ресторанчик, чтобы взять ещё пивка.

* * *

Экспресс «Лиетува» сообщением Вильнюс-Москва стоял на платформе с открытыми дверями, приглашая пассажиров пройти в вагоны.

Мне нужен был именно этот поезд с надписью “Lietuvos

geležinkeliai”¹, выкрашенный в красно-белых тонах, как майки игроков футбольного клуба «Спартак Москва».

Рядом располагалась платформа с высоким забором в мелкую решётку, где через два часа должен остановиться транзитный поезд «Янтарь» из Калининграда в Москву.

Литовцы тщательно огородили эту платформу со всех сторон, будто бы все русские – террористы. Как в тюрьме. Ага, конечно, остановит ограда ихняя настоящего террориста. А каково добропорядочным гражданам, которых заперли на пяточке, как скотов?

К счастью, у меня была действующая годовая шенгенская виза от работодателя, и я находился по другую сторону решётки.

Как восхитительно ощущение свободы.

Без бумажки ты букашка, а с небольшой вклейкой в загранпаспорт на литовском языке я могу хоть прогуляться по Старому Вильнюсу, хоть посетить Испанию, что собираюсь сделать в октябре-ноябре, если получу отпуск.

Хоть от Вильнюса до Москвы и ближе, чем от Калининграда, но билеты на международный рейс стоят дороже, ибо евро растёт.

Владимир Игоревич поскупился бронировать мне место в купе, ограничившись плацкартным вагоном за сто долларов.

Но этот вагон стоил своей цены.

Впервые, сколько путешествую поездами по бывшему Со-

¹ “Lietuvos geležinkeliai” – «Литовские железные дороги» (лит.)

ветскому Союзу, я увидел, что в плацкартном вагоне чистые ковровые дорожки, трезвые проводники и цивилизные соседи.

Рядом со мной оказался парень чуть старше меня, с такими же длинными волосами, представившийся без церемоний: Миша.

Пройдя белорусскую таможенную в самом начале рейса, пассажиры получили возможность расслабиться, потому что дальше никто не будет дёргать до самого прибытия. Только не забыть часы на московское время перевести, чтоб не проспать. Впрочем, сон под стук колёс не такой продолжительный, как в привычной домашней постели, поэтому к девяти часам все успеют проснуться по-любому.

Выкурив по сигарете в тамбуре между вагонами, мы с Михаилом устремились через три вагона в ресторан.

В поезде литовского формирования политику ценообразования определяет литовская сторона, и меню показалось мне сказочно дешёвым по сравнению с кабаками Калининграда. Москвича Михаила разница по сравнению с его родным городом впечатлила ещё сильнее.

Мы тут же на заказывали себе кучу блюд. И про напитки не забыли. Старка, настоящая литовская Старка всего 194 рубля за 250 грамм по официальному курсу, как водка средней паршивости в обычном российском магазине.

За первой чекушкой мы выяснили, что Миша – музыкальный продюсер и возвращается в Москву как раз из Калинин-

града, где готовил четыре местные рок-группы к фестивалю в Берлине, в одной из которых играют мои знакомые. А в Вильнюсе встречался с музыкантами группы «Биплан» – одной из моих любимых. Да-а, очень тесен наш земной шарик.

И всё б ничего, но портила аппетит низкопробная поп-музыка. Всё-таки, это не рок-клуб, а обычный кабаk, хоть и на колёсах.

Мы уж было подумывали взять напитки и закуски навывнос и продолжить общение в вагоне, но тут заиграла вполне приличная песня “I am the passenger”².

– Песня про пассажира для пассажиров. Вряд ли это просто совпадение. Диджею респект, – заметил я с лёгкой усмешкой.

А Миша проявил эмоции значительно сильнее:

– Игги Поп! Слышал?

Я не сразу сообразил, что к чему:

– Слышал ли я, кто такой Игги Поп? Конечно. Чувак такой, худой.

– Нет, ты послушай! Играет Игги Поп. В таком заведении – и Игги Поп. За это грех не выпить.

– За Игги, да не выпить? Верно, грех, – усмехнулся я чуть шире, чем раньше, и мы заказали ещё чекушку.

Мы проглотили её быстрее, чем первую, и взяли пол-литра навывнос, чтобы догнаться в вагоне.

Когда мы вернулись на свои места, за окнами уже стемне-

² “I am the passenger” – «Я пассажир» (англ.)

ло, и в вагоне оставили только дежурный свет.

Нам наскучило пить водку в темноте уже после первой рюмки, и мы покинули свои места у туалета, чтобы пошариться по вагонам, не пригласит ли кто разделить компанию в своё купе.

На девятнадцатом месте сидело шесть человек и горел ночник, запитанный от портативного аккумулятора по USB-кабелю, что дало мне маленький повод для национальной гордости за русскую смекалку.

– Эй, земляки, что потеряли? – крикнул нам молодой парнишка, явно навеселе.

– Прошлогодний снег, – ответил Миша.

А я задал вопрос ребром:

– Что у вас тут за корпоратив?

– Аньки день рождения празднуем, – ответил другой парень из той компании.

– А откуда вы знаете, что земляки? – поинтересовался я, – вы тоже из Калининграда?

– Из Черняховска, – ответила та самая Анька, – так что всё-таки земляки. Выпить есть? Присоединяйтесь.

Миша с довольной рожей протянул едва начатую поллитровку Старки. А компания уплотнилась, чтобы предоставить нам места, и пододвинула для вновь прибывших гостей тарелки с закуской.

В Минске мы вышли покурить на перрон, где воздух свежее, чем в тамбуре.

Ещё мы хотели прикупить пирожков на закуску, но на перроне дежурила доблестная белорусская милиция и торгашей к поезду не пускала.

Так что, получалось, что у нас выпивки много, а закуски мало. Как в старые добрые студенческие времена.

Мне в тот день исполнилось тридцать, а девушке двадцать девять. Всё, я старый. И, к моему великому разочарованию, рядом с Аней ехал её жених. А я-то уж было, как свободный холостяк, надеялся курортный роман замутить, но не срослось. Вот, каково это, огорчаться оттого, что потерял то, чего у тебя никогда не было? Ну, тогда ещё по одной.

Быстро замяв тему личных отношений, мы перешли на тему, которая в свете русской весны 14-го года была неизбежной. В этот раз в компании наблюдалось полное единодушие в плане поддержки народного ополчения Донбасса в гражданской войне на Украине. Здесь я мог высказывать всё, что думаю, не боясь никого оскорбить, в отличие от компании литовцев. Выпили за Славянскую бригаду Игоря Стрелкова. Анна предложила выкрасить простыню в триколор, написав сверху «Путин, введи войска!», и я ту же налил себе ещё, вспомнив, что у меня добрая половина родственников проживает в Алчевске и Родаково, неподалёку от Луганска.

Но, по мере продвижения вглубь Белоруссии, задор у компании потихоньку иссяк, подступила усталость и сонливость. Так бы и пошли ложиться спать, если бы не нагрянул незванный гость.

Он был в форме, но китель уже заметно съехал на сторону. Офицер шатался по вагону с начатой бутылкой джина, как мы с Михой недавно, в поисках компании, с кем бы её допить. Но моя компания явно не была расположена продолжать банкет. Нас со старшим лейтенантом прогнали на моё место, рядом с туалетом. Я занимал нижнюю полку, на соседней располагался Михаил, а сверху никого не было, так что, мы могли спокойно беседовать, не опасаясь, что нас попросят заткнуться.

Старлей налил сразу столько много, что я смог одним залпом выпить за знакомство только половину этого количества и, не видя знаки отличия на форме в темноте, спросил у него:

– Военный?

– Полицейский. Охраняю этот поезд, и тебя в том числе.

Не залитые остатки моего мозга вспомнили, что поезд литовский, хотя акцента у офицера я не уловил.

– Наш полицейский? – задал я уточняющий вопрос, не сообразив, что и ему моя национальность неизвестна.

– Мусор. Милиционер. Так понятнее? – расставил он все точки над і и дружески похлопал меня по плечу.

Вообще-то, он во время дежурства не пьёт, но в этот вечер у него на душе погано – есть подозрение, что пока он разъезжает по Прибалтике, его жена ходит налево.

Я давненько детективов не читывал, и мне было нечего ему посоветовать в плане того, как вести расследование этих подозрений. Но иногда говорить даже излишне. Нужно про-

сто дать человеку выговориться, чтобы ему полегчало. И я очень внимательно слушал. А чего ж не послушать того, кто постоянно подливает мне за свой счёт?

Бутылка подошла к концу, а старлей чувствовал, что не допил.

Да и я к тому моменту начал понимать смысл поговорки «Аппетит приходит во время еды».

И когда офицер предложил пройти в его купе и откупорить что-нибудь ещё, я с радостью откликнулся на его призыв.

Он пытался позвать и Михаила, но тот отказался:

– Я спать. Лёха, может тебе тоже хватит? А то тебя уже штормит конкретно. И время уже не детское, прибытие не проспи.

– Это от шатания на стыках рельс качает, – возразил я, хотя уже и вправду едва держался на ногах.

Я исхитрился повернуть часы так, чтобы на них попадали лучи света от фонарей, освещающих пути. Прибываем ровно в девять. Часы показывали полвторого, время московское.

– Нормально! – повысил я голос на Михаила и широко махнул рукой, – истинный русский офицер может до четырёх утра бухать, а к семи быть гладко выбритым на поднятии флага!

– Ты, вроде, матросом служил, а не офицером – заметил Миша, поудобнее растянулся на полке и сладко зевнул.

– Ну что за люди, лишь бы до столба докопаться, – при-

творно возмутился я со смехом, – ладно, будь здоров, не кашляй.

И отправился в соседний вагон вслед за полицейским.

В его купе на нижних полках неуклюже развалились тела ещё двоих его сослуживцев, залиvisto похрапывая.

– Ну и как с такими бухать? – показал на них старший лейтенант, – а ты молодец, крепкий, настоящий русский мужик, – тут он ещё раз похлопал меня по плечу, а затем открыл бутылку неизвестно чего.

Следующий кадр, который я помню – это рассвет.

Прямой солнечный луч в окне резанул мне глаза.

Поезд тормозил в городских кварталах.

– Надо отлить, а то на станциях запирают, – всколыхнулась первая мысль, отчего я подорвался так резко, что ударился головой о верхнюю полку, и похмельная головная боль резко отозвалась в обоих висках.

Только тогда я сообразил, что в литовском поезде установлены биотуалеты, работающие вне зависимости от остановок.

Напротив меня Михаил уже заправил постель и сидел за столиком, разгадывая сканворды.

– Что за станция такая? – спросил я у него ещё заплетавшимся языком, смутно припоминая его предупреждение о том, что я рискую проспать прибытие. Вроде, для Москвы домики вокруг бедноваты.

– Вязьма, – спокойно ответил он, – так что ты ещё успеешь

позавтракать.

Но я отправился не завтракать, а курить, что всегда перво-наперво делал, когда вставал с бодуна.

На фоне пейзажей центральной России фрагментарно проплывали перед глазами события вечера и ночи.

Я хорошо помнил, как мы с Мишей пили Старку за Игги Попа, а потом и за всех панков в целом.

Тусовку в середине вагона, справлявшую день рождения подруги, я тоже помнил более-менее прилично. А вот дальше помнил смутно.

Начинало подташнивать.

Выбросив бычок в форточку, я спросил у Миши:

– В котором часу я лёг спать?

– Когда подъезжали к Смоленску, – ответил он, прихлёбывая чай из характерного железнодорожного стакана в металлическом подстаканнике, – я слегка задремал, потом проснулся, а тебя всё ещё нет. Уже волноваться начал, что ты не вернёшься – сначала наакался скверного ирландского джина, а потом почти на два часа пропал, когда пошёл с ментами пить винище.

От воспоминания о том, как я с полицейским добавлял, мне резко поплохело.

Я нагло отхлебнул почти половину стакана чая у Михаила, чтобы заглушить сушняк, и опрометью выбежал из вагона.

Хорошо, что туалет оказался свободен, иначе мне бы пришлось блевать в окно.

Да, похоже, выпитое с ментами и впрямь было лишним. Миха, умный человек, вовремя остановился и лёг спать – теперь как огурчик. А мне и впрямь лучше чего-нибудь поесть.

В отличие от внутрироссийских поездов, вагон-ресторан не закрывался ни на час, и даже в шесть утра продолжал работать, хотя посетителей почти не было. Я проглотил яичницу с трудом и не устоял перед соблазном заказать 150 грамм бренди – так, чисто символически, только здоровье поправить. А после того, как за час с небольшим до прибытия сдал постель, на посошок ещё соточку водки с селёдкой.

Это вернуло меня к жизни после вчерашнего, и я снова болтал на все лады о любимых рок-группах.

Расставаясь на Белорусском вокзале, мы с Михаилом сцепили руки по-панковски и выразили надежду, что когда-нибудь я угощу его виски в калининградском рок-клубе «Кури Бамбук».

* * *

Так, вход в метро. Станция Белорусская-радиальная. А мне нужна Белорусская-кольцевая. Гостиница в переулке, параллельном Арбату. Пересесть на синюю линию на Киевской. Нет, сначала выйти из метро на Киевской, чтобы зайти в «Перекрёсток» прикупить чего-нибудь поесть.

Пока я ходил по супермаркету, наступило время, когда разрешено продавать алкоголь, и я после недолгих раздумий

доложил в корзину два стограммовых шкалика с коньяком, один из которых вылакал прямо в вестибюле станции Арбатской.

Отель держали иностранцы, и они частенько давали подработку в виде дежурства у стойки администратора своим согражданам.

Вот и на этот раз при заселении пришлось объясняться по-английски.

Впрочем, я настолько хорошо знаю язык, что для меня это и с похмелья не проблема.

Получив ключи от номера, я краем глаза заметил, что дежурный администратор посмотрел на свои часы и присвистнул, увидев в такую рань подвыпившего постояльца:

— Russian crazy.

Место проведения конференции оказалось неподалёку, у метро Смоленская.

Я пошёл пешком, чтобы хоть немного протрезветь, но вместо этого посетил кафе «Синий троллейбус», до которого у меня так долго не доходили руки.

Мостовая Арбата под моими ногами приятно покачивалась вправо-влево. У стены Цоя сидели ярко разукрашенные панки, как оказалось, из Кирова. Чуваки, я с вами! Ещё раз за Игги Попа, богатырский глоток прямо из горла.

* * *

Конференция по мобильным приложениям для управления серверными платформами собиралась в актовом зале одного из частных ВУЗов в центре Москвы. Арендовать такое место было непросто, и организаторы внимательно следили, чтобы всё прошло без сучка, без задоринки.

– Паша, проверь, все ли регионы подтянулись, – сказал председатель помощнику, всё ещё затягивая с командой на открытие, щадя опаздывающих.

– Все, Валерий Феликсович, – уверенно заявил Павел, – даже делегат из Симферополя уже здесь.

– Ты и из Крыма делегата пригласил? – удивился председатель, – так что даже я не в курсе. Когда успел?

– 21 марта приглашение послал, – ответил Павел, слегка гордясь своими организаторскими способностями.

– И всё-таки, проверь ещё раз журнал регистрации, все ли на месте.

– Уже проверил. Все. Последним подтянулся Алексей Черкасов из Калининграда. В прошлом году зарегистрировался первым, в этом – последним.

– Алексей из Калининграда? – пытался вспомнить Валерий Феликсович, – а-а, Лёшка, тот молодой человек, который в прошлом году так неловко и застенчиво...

– Я бы не сказал, что этот Лёшка застенчивый, – улыбнулся Павел, – только что видел, как он ходил по коридорам, хватал за рукава всех подряд и спрашивал, где курилка.

– Ладно, это уже лирика. Давай сигнал, начинаем.

И Валерий Феликсович начал вступительную речь в честь открытия конференции.

* * *

Когда я студентом был, мы так проносили водку на стадион, отпивая из бутылки с минералкой, и доливая туда такую же прозрачную жидкость – если не нюхать, никто и не заметит.

Теперь у меня в кармане ром с колой – повзрослел, цивильные напитки употреблять стал.

Председатель пробурчал вступительное слово, по большей части состоявшее из полной ерунды, и пошли докладчики.

Время – начало третьего. Мой доклад в четыре.

Попробую послушать коллег по профессии.

Первый – неинтересно.

Второй – ещё хуже начал фуффло толкать.

Да пошли они все.

Сидя на галёрке, я в наглуую вставил в планшет наушники и начал смотреть кино.

Американский фильм позапрошлого года «В хлам» (в оригинале “Smashed” – в принципе, смысл передан переводчиком правильно).

На некоторых эпизодах я начинал хихикать в голос, вспоминая как сам периодически зажигал.

Например, на юбилей фирмы в прошлом году, который отмечали в светлогорском отеле «Русь», один сотрудник разбушевался, и мы пошли его утихомиривать. Когда уже залезли в лифт, на меня как-то удивлённо уставились:

– Лёха, а ты куда с бычком?

Вот так, как ни в чём не бывало, ехал в лифте и курил.

Но я хотя бы не приставал к замужним женщинам, как тот сотрудник, которого мы поднялись приструнить.

А настоящей звездой вечеринки стал шеф. Вместо того, чтобы читать доклад, с какими цифрами фирма пришла к юбилею, он взял гитару и спел. Несмотря на то, что был трезвый.

Славно погуляли.

Вот ёлы-палы, а выпивка-то неслабо в сортир гоняет.

Пригибаясь, как под обстрелом, я протиснулся между рядами и вышел из зала.

А если идти отлить, тогда уж сходить и покурить, чтоб два раза не вставать.

О, и крымчанин не выдержал скуки, тоже курит. И вроде, что-то у меня спрашивает.

– Тебе выпивка не мешает?

А-а, вот что он хотел спросить.

– Наоборот, помогает, – ухмыльнулся я.

Напомнил, блин.

Я уже почти вошёл обратно в зал, но теперь придётся остановиться, чтоб глотнуть бодяжной колы из бутылки.

Кино закончилось, а мне захотелось выйти по нужде снова...

– Повторяю для тех, кто в бронепоезде, – голос председателя звучал громче обычного, – Черкасов Алексей Иванович, город Калининград, не спи, твой выход.

Вот блин, как не вовремя.

Да и вообще, мне в лом.

В предвкушении конференции я мечтал о том, как буду выступать на сцене.

Но, по закону подлости, когда наступило время выступления, мне уже полностью расхотелось.

Ладно, отбыть номер и свалить под благовидным предлогом.

Всё равно потом всем участникам видеозапись раздадут – погляжу без спешки и суеты в родном офисе.

Я спустился к сцене, один раз вернувшись на место за забытым планшетом.

Всё-таки я смог подключить Android 4.2.2 к стоявшему на сцене телевизору LG по технологии Miracast.

Мастерство не пропёшь.

Но зачитывать сухой технический текст просто так было скучно.

Я водил пальцем по экрану планшета, содержимое которого отображалось на телевизоре и вещал:

– Возьмём для сравнения три дистрибутива Линукса, и чтобы не обидеть никого из разработчиков действующих

дистрибутивов, назовём их условно «Шняга номер один», «Шняга номер два» и «Шняга номер три». Дальше я позволил себе в докладе сленг и даже немного мата.

– Вот это я понимаю, творческий подход, – посмеивался Валерий Феликсович в сторону Павла, – с душой выступает.

Примерно на половине запланированного доклада я начал путаться в цифрах и фактах.

Глотнуть бы для ясности мышления. А ещё отлить поджимает.

– Простите, – обратился я к организаторам, – вы позволите сделать перерыв? Я отойду, вернусь и продолжу.

– Ты а-а или пи-пи? – с издёвкой в голосе спросил Павел, которому мои выкрутасы стали надоедать.

– Я зю-зю, – решил я пошутить ещё раз, чтобы разрядить обстановку.

– Глупая и неуместная шутка, – вопреки ожиданиям, ответил председатель.

Я потянулся к планшету, лежащему на столе, чтобы заблокировать его, меня повело, и я чуть не уронил его на пол.

Протянув руку, чтобы поддержать планшет, я не удержал равновесие, и упал вместо него.

Из кармана выпала бутылка колы, та самая, разведённая ромом.

Воспользовавшись случаем, я глотнул из неё и, вместо того, чтобы спрятать её в карман, поставил прямо на сцену.

Павел поднял её и протянул мне:

– Ты забыл...

А потом стал удивлённо водить носом, принюхиваясь:

– Валерий Феликсович, да он же пьяный!

– Как пьяный?

– Зю-зю, – развёл руками Павел, – разве вы не чувствуете запаха?

Лицо председателя резко помрачнело:

– Лишить его аккредитации.

Павел перешёл на официальный тон:

– Карточку участника сдадите мне, видеозапись конференции получите в виде ссылки для скачивания на e-mail, указанный при регистрации. Снимите микрофон и покиньте зал.

Да, я всё ещё стоял на сцене, и к моему лацкану был прикреплён радиомикрофон.

– Я неправильный айтишник, – решил я напоследок громко хлопнуть дверью, – хуже работаю, если выпью. Правильный хуже работает, если не выпьет.

И, швырнув микрофон под ноги помощнику председателя, нетвёрдой походкой побрёл к выходу из здания.

А беспристрастные камеры продолжали запись, куда попало всё, в частности и моя реплика «Я зю-зю». А-а, плевать.

* * *

Выйдя на улицу, я тут же принялся названивать москов-

ским друзьям, благо, пополнить баланс для расходов в роуминге я не забыл.

Я уже мог назвать их друзьями, несмотря на то, что всего один-два раза в год выпадала возможность повидаться.

Но, в общем и целом, я общался с этой компанией на своём любимом форуме уже семь лет.

И за пять лет до этого двое из них здорово меня выручили, как раз, когда я в Москве загулял и был ограблен у станции метро Речной вокзал.

Сейчас они собрались на шашлыки у края Истринского водохранилища, в 63 километрах от МКАД.

Автобус отправлялся от той же станции Речной вокзал, но в этот раз посадка в него прошла благополучно, и вскоре я прихлёбывал остатки колы с ромом из ещё не допитой бутылки, улыбаясь тому, что водитель автобуса включил «Наше радио» вместо ожидаемого шансона.

«Я свободен, словно птица в небесах,

Я свободен, я забыл, что значит страх...»

Так и есть. До отлёта завтра вечером я свободен. Не так освободился, как хотелось бы, но всё же. А если пить, то это реально помогает приглушить страх от неуверенности в завтрашнем дне. Не я такой – жизнь такая. Высокий уровень тревожности нервной системы – обратная сторона моей повышенной энергичности.

Ребята встретили меня на автостанции и проводили к месту отдыха, которое я бы вряд ли нашёл самостоятельно, с

моим врождённым топографическим кретинизмом, да ещё и под мухой.

– Фальстарт, братуха, фальстарт, – заметил один из них, намекая на то, что они ещё трезвые или почти трезвые, а я уже почти готов.

Ром с колой у меня уже кончился, и, добравшись до компании друзей, я тут же стал всех доставать, требуя водки или хотя бы пивка.

Сначала все под благовидным предлогом уклонялись мне наливать. Но потом кто-то налил, причём, сразу много.

Я стал вещать о том, что как творческая личность, употребляю алкоголь, чтобы раздвинуть стены, возведённые сознанием, и достигнуть просветления, а потом нёс ещё более несусветную чушь, о которой стыдно и упоминать.

Очухался я уже в своём гостиничном номере. Было около десяти часов утра.

Смутно припоминалось, как ещё засветло пацаны вызвали мне такси, и даже оплатили его за свой счёт. И этому была веская причина.

Я и впрямь повёл себя по-свински.

Сначала одну красотку пытался клеить, как говорится, не отходя от кассы, напрочь забыв, что у неё уже давно есть жених.

А потом по политическим мотивам с одним хохлом в драку полез.

Дима Андреев, как главный организатор, такси вызывал.

Надо бы перед ним извиниться, но он, скорей всего, ещё спит после вчерашнего.

Позвоню ему ближе к обеду.

Когда он будет уже на ногах, а я стопарик накачу, чтоб разговор легче клеился.

Вот блин, через час я должен быть на конференции.

А, нет, уже не надо.

Обидно. Досадно. Ну и ладно.

Я оделся, перекусил в ресторане, поправив здоровье американским виски, выписался из гостиницы и пошёл в сторону Кремля.

Но осмотр достопримечательностей довольно быстро наскучил.

Вылетать вечером надо было из Внуково, куда идёт аэроэкспресс от Киевского вокзала, и я расположился коротать время в пивном баре у станции метро Киевская.

Ко времени отправления экспресса весь столик был заставлен бутылками из-под тёмного пива. Наличных не хватало, но я предусмотрительно взял с собой банковскую карту с кредитным лимитом. Баланс по этой карте уже был в минусе, но кредитный лимит позволял гулять в этом баре или похожем на него, наверное, с неделю. Конечно, я не собирался так надолго запить, но теоретически возможность существовала.

Когда я уже повернулся, чтобы уйти, официантка окликнула:

– Молодой человек, вы забыли портфель.

Очень хорошо. За договор с литовцами директор голову оторвёт. Тем более, что это единственное, чем можно подсластить пилюлю после позорного изгнания с конференции.

Да, хорошего понемножку. Настала пора возвращаться домой, поджав хвост, где меня ждут унижения и оскорбления. Я понимаю, что за удовольствие надо платить, но чтобы так. Жизнь несправедлива.

* * *

Самолёт оторвался от земли и взял курс на запад, с каждой минутой отдаляя меня от Москвы, где было так весело, и приближая к Калининграду, где мне вскоре станет грустно.

Пока ещё пиво, выпитое у Киевского вокзала, не выветрилось из моей головы, я мог смотреть на ситуацию философски, но завтра утром я проснусь с больной головой и буду слушать лекцию шефа на отборном матерном с небольшими вкраплениями русского, желая пива и лечь поспать.

Но это будет завтра.

А пока надо отвлечься – кино посмотреть, например.

Я придержал портфель на коленях, чтобы он не упал, ошупал плечо в поисках второй маленькой сумки с планшетом и не сразу поверил, что её нет.

Перепроверил – её нет.

Я вспомнил злосчастный столик в ресторане у Киевского

вокзала.

«Молодой человек, вы забыли портфель».

А маленькую сумку на стуле не углядела – курица тупая!

Самый дорогой девайс из записанных на меня потерял – теперь мне не выбраться из минуса на кредитной карте.

Но это не самое страшное.

Материалы, бесценные наработки за несколько месяцев!

Одни люди уже делают бэкапы, а вторые скоро узнают, что надо было делать бэкапы.

Всё осталось на карте памяти, вставленной в этот самый планшет.

Я хотел крикнуть во всё горло, но вовремя вспомнил, что вокруг меня другие пассажиры, и издал только сдавленный стон.

* * *

Рейс прибыл в аэропорт Храброво, когда автобусы уже не ходили. Ещё и на такси тратиться придётся.

Наличности не хватало – придётся попросить водителя сделать остановку у банкомата.

В здании, соседнем с тем, где находился банкомат, располагался небольшой магазинчик, где после 10 вечера как бы не торговали алкоголем. За время с момента введения запрета на ночную торговлю спиртным я изучил наличие таких торговых точек во всех районах города.

По дороге из аэропорта водитель спросил:

– Что такой неразговорчивый?

А я угрюмо буркнул:

– Есть причины.

И продолжил переживать о случившемся.

Хмель уже почти улетучился, значит, надо добавить – ещё, чтобы стало светло, хотя бы на миг.

Когда я допил то, что купил в магазине рядом с банкоматом, водитель доехал до развилки в полутора километрах от моего дома.

Налево – домой.

Там будут расспрашивать, как съездил, и мне придётся врать.

Направо – глухая окраина города, где поздним вечером могут и по голове настучать.

– Разворачивай назад, в сторону Площади. Поедем в клуб «Метрополис».

– Ты уверен? Завтра на работу.

– Офис никуда не убежит. Живём один раз. Разворачивай.

* * *

Проснулся я в убого обставленной комнате, где царил хаос в полном смысле этого слова.

Как я здесь оказался?

Помню, в Метрополисе с какой-то компанией незнакомой

пил коктейль – сто грамм водки, двести грамм ликёра «Амаретто». Два таких коктейля, а дальше почти ничего не помню.

На соседних кроватях ещё спали.

Вроде, те самые случайные собутыльники. А может, и не те. Девки между пацанами спали. Это что получается, я какую-то из них поимел и не помню? Главное, что меня никто не поимел.

Мой будильник был заведён на полседьмого, но я его не услышал. Телефон показывал без двадцати десять на часах и восемь пропущенных вызовов от шефа.

Нет уж, дудки, дядя Вова. К вам я уж точно при таких обстоятельствах не вернусь.

Но отсюда надо убираться.

А то спящие встанут, ещё разборки начнутся, на предмет того, что я натворил, а теперь не помню.

Портфель уже стал ненужным, но я всё-таки его прихватил.

Где выход? Там.

Так, это конец улицы Горького. Ну, не совсем конец. Рядом с магазином «Виктория». Там есть банкомат банка «Петрокоммерц». А в соседнем здании банк «Европейский». Любой из двух карточек можно воспользоваться.

Я перекусил и опохмелился пивом в кафе «Дон Ченто», и поехал на такси, чтобы закинуть домой портфель, пока мать на работе.

Пусть знает, что я вернулся из Москвы, но не знает, где я нахожусь сейчас. Будет думать, что в офисе.

Успел.

Теперь надо успеть скрыться.

Ну, хотя бы, в ближайшей гостинице «Дейма».

* * *

– У вас есть одноместный номер с балконом на высоких этажах?

– Седьмой этаж, окна на восток.

Как раз на той стороне, что при хорошей погоде видна из западного окна квартиры, где я живу. Плохо. Но выбирать не приходится. Теперь в «Седьмой континент», чтобы затаиться коньяком.

Выпить для храбрости придётся много, чтоб решиться на то, что только и остаётся сейчас, когда я загнан в угол.

Напьюсь в последний раз, а ночью с балкона брошусь.

Формально в номерах курить запрещено, но на балконах нет камер видеонаблюдения, и поэтому все закрывали на это глаза.

Я стоял на балконе с полным стаканом, вглядываясь в ночь, подливал в стакан по мере его опустошения, и курил одну за одной.

Так и не хватило духу сделать решительный шаг, пока не начало светать.

Меня разбудила горничная, напомнить, что приближается час выезда.

Продлить номер ещё на сутки не позволили, потому что на следующий день его забронировали.

Придётся искать другую гостиницу.

Поеду подальше от дома.

Самая известная гостиница города, называемая так же, как и сам город, явно не катит – слишком близко от офиса, можно случайно встретить знакомых. Выпью в баре рядом и поеду искать дальше.

Я сидел в дешёвом кабачке. Там стоял телевизор, где по MTV играла попса, что я терпеть не мог. Но мне уже было всё равно. Ещё чекушку выпить, салом закусить. И уже не так раздражает этот вечно морозящий калининградский дождь.

Но я умудрился на ровном месте подвернуть ногу вчера вечером, так что лучше всё-таки взять такси, а не скакать по маршруткам. Тем более что уже надоело шлаться по людным улицам, хочется уединиться хоть где-нибудь.

Я отключил сим-карту, чтобы не искали сотрудники, оставив только wi-fi, чтобы читать случайные страницы в интернете от скуки. И поэтому не мог созваниваться с администраторами гостиниц, чтобы уточнить наличие номеров. Но с третьей попытки мне повезло. Есть номер, и достаточно недорогой – будет по карману продлить его на пару-тройку дней, если и этой ночью не решусь.

Четвёртый этаж – прыжок из окна уже не получится. Вероятность смерти невысока, зато велика вероятность остаться инвалидом, не способным работать, а долг по кредитной карте растёт, как снежный ком. Зато с ванной. А у меня в кармане завалился забытый канцелярский нож. Вены вскрыть сложно, но возможно. Но сначала в магазин, купить водки.

К ужину я спустился в ресторан. Некоторые во время запоев перестают есть. Я тоже потерял аппетит. Но понимал, что потребуются силы на последний шаг, и я должен есть, чтобы не ослабеть от голода.

И к тому же, очень хотелось в последний раз посмотреть на людей перед тем, как уйти из жизни. Поговорить хоть с кем-нибудь. Хотя бы с официанткой парой слов перекинуться. Или с тем старичком за столиком в углу, что, как и я, подшофе.

А утром я проснулся и тяжело вздохнул:

– Ну вот, я и снова жив.

Вечером я взял такси и поехал на вечеринку в рок-клубе, посвящённую завтрашнему открытию сезона байкеров.

Мне вдруг неожиданно захотелось как можно больше общаться с людьми.

Я пел караоке, композицию, где Кипелов берёт очень высокие ноты. Фальшивил, наверно, безбожно, но мне аплодировали, потому что все остальные тоже были пьяны, и никто не понимал, что поющие в ноты не попадают.

Я пил и пел, пил и пел, пока бармен не стал выпроваживать последних посетителей, чтобы закрыть заведение.

А потом, догоняясь на скамейке в соседнем дворе, разговорился с одним пареньком, которому всего 25 лет, но он умирает от рака и пьёт текилу, как в фильме «Достучаться до небес».

Жизнь несправедлива. Я хочу умереть, но не могу, а он может, но не хочет.

Может быть, накачаться алкоголем по самые уши, чтобы не выдержало сердце или отказала печень?

Не выйдет, уже проверял. Вот дал же Бог здоровье.

Подходило к концу первое мая, и я решил больше не выходить в свет дальше гостиничного ресторана. Прошло три дня с момента моего ухода из дома – мать имеет право подать заявление в полицию, так что меня загребут прямо в кабаке до того, как я успею наложить на себя руки.

В ресторане я снова попытался заговорить с официанткой, но она не захотела со мной общаться, сославшись на занятость. А на самом деле очень уж отталкивающим стал мой внешний вид.

Я перестал бриться, перестал мыться – только похмелялся. Когда в ресторане, когда в магазине. Брал побольше водки, готовые салаты на закуску, и проводил время с ними наедине.

Иногда от скуки подключался к wi-fi и читал новости в интернете. Раньше я живо интересовался тем, что в мире про-

исходит, а теперь просто убивал время. Даже сообщение от 2 мая о заживо сожжённых повстанцах в одесском доме профсоюзов не произвело на меня практически никакого впечатления. Ну, было и было. Мне всё равно – я уже мёртв.

Может быть, напоследок снять проститутку? Но тогда надо ехать к банкомату за наличными. Значит, устроиться поудобнее, открыть порно-видео и заняться самоудовлетворением.

Будучи трезвым, я ненавидел онанизм и порнографию. Даже задумывался о том, чтобы подтянуть навыки в области взлома и защиты информации и прославиться на просторах рунета, как хакер, уничтожающий порно-сайты. Сейчас моя совесть молчала.

Процесс шёл медленно. Надо успеть покончить с собой.

В третьем часу ночи я вышел покурить на балкон. Ведь так приятно покурить после секса, хоть и ненастоящего.

Сверху неожиданно послышался шёпот:

– Выбери жизнь...

Всё, допился до белой горячки.

А может быть, ангел-хранитель.

С которым мы уже не увидимся.

Нет мне теперь дороги в Царство небесное.

Придётся отправиться в ад, пав окровавленным от собственных рук.

Единственная надежда – это апокатастасис³.

³ Апокатастасис – распространённое среди части христиан учение о спасении

Попробуй выговорить это слово после такого количества водки.

Выбери жизнь...

Выбери карьеру. День сурка по принципу дом-работа-дом. Обеды с семьёй по выходным. Вечерами в футбол втыкать по телевизору. Ездить на огород на допотопном драндулете, купленном на потребительский кредит. Жена в застиранном халате и пара-тройка сопливых детей. А в конце смерть от старости на больничной койке.

Простая, счастливая жизнь.

Но зачем об этом думать, когда на столе стоит ещё не допитая бутылка водки, а в холодильнике ещё несколько бутылок водки?

Я осмотрел потолки и понял, что мне негде привязать верёвку, чтобы повеситься.

Да и нет верёвки.

А жаль.

Это была бы самая безболезненная смерть.

Потерял сознание – очнулся уже на том свете.

Сначала я не решился прыгнуть с балкона седьмого этажа, потому что боялся высоты, теперь не решался вскрыть себе вены, потому что боялся крови.

Я не только дурак, позволивший себе потерять всё, но ещё и трус, боящийся поставить жирную точку в проигранной

всех людей после Страшного суда, как праведников, так и грешников. Большинство православных христиан считает это учение ересью.

борьбе за выживание.

В два часа ночи думаю: будет три часа – пойду в ванную и вскроюсь. В три часа думаю сделать это в четыре. Но минута проходит за минутой, и я ворочаюсь на кровати до самого рассвета.

Сегодня суббота, третье мая. Завтра воскресенье, четвёртое. А потом ещё одна короткая рабочая неделя, с пятого по восьмое.

Но даже если я останусь жив и предстану пред светлы очи Владимира Игоревича, он меня всё равно выгонит, и пойду я, солнцем палимый и ветром носимый, с записью в трудовой книжке «Уволен за пьянство». Надо успеть покончить с собой, пока этого не произошло.

Ещё раз в магазин, купить водку и закуску на следующую ночь. Кассир спрашивает:

– Пакет нужен?

А я отвечаю:

– Нет, спасибо, я со своим.

Хоть с кассиром парой слов перекинуться.

Люди, живые люди. И лица, лица. В аду этого не будет – там одно страдание.

Вечером в ресторан. Несмотря на то, что там никто не хочет со мной общаться. Хоть телевизор посмотрю. Трезвым я терпеть не мог смотреть телевизор. Но в номере скучно. Бездумно читать с телефона анекдоты. На более интеллектуальное чтение после стольких дней запоя мой мозг был уже

не способен.

Полночь.

Я продлил номер до следующего дня, но к полудню придётся либо снова продлевать, либо съезжать. А количество доступного кредитного лимита на карте тает стремительно. Нет, этой ночью надо набраться смелости и сделать решительный шаг. Мне осталось жить всего два часа. Нет, три. Или четыре. Нет, медлить больше нельзя. Надо набраться смелости и сделать то, что должен. Но сначала набраться смелости из бутылки. Да и жаба душит оставлять недопитую водку.

В конце первого часа в запертую дверь номера настойчиво забарабанили.

Наверно, горничные, которые уже который день просят доступ в номер, чтобы убраться – потерпеть не могут, пока не найдут моё тело в ванной. Ночь на дворе. Ладно, сейчас оденусь и открою...

– Мама, как ты меня нашла?

– Тебя весь город искал через интернет, а потом я подключила и полицию.

* * *

Утром не хотелось ничего от слова вообще.
Разве что уснуть, чтобы забыться.
Но сон не шёл.

Мать смотрела телевизор, а я лежал и тупо смотрел в потолок.

В девять утра пришёл следователь, чтобы подписать протокол и закрыть дело о розыске безвестно отсутствующего.

Я взял ручку в пальцы, дрожащие как от электрошока, и поставил закорючку, больше похожую не на подпись русскими буквами, а на китайский иероглиф.

Потом мать принесла к моей постели пару бутербродов и стакан чая.

От бутербродов меня едва не стошнило, а при попытке глотнуть чай, чтобы хоть немного перебить сушняк, руки задрожали настолько сильно, что я чуть не выронил стакан.

Мама видела моё состояние и не сказала ни слова упрёков, готовых сорваться с языка, чтобы мне не стало ещё хуже. Ей наверно стоило многих новых седых волос сохранить терпение и не высказать всё, что она обо мне думает, за все мои подставы.

Вместо этого она произнесла спокойно, но твёрдо:

– Тебе в больницу надо.

Мне было уже всё равно. В такой депрессии я бы безразлично пошёл хоть в казарму, хоть в тюрьму. Поеду и в больницу, как только ко мне вернётся возможность ходить.

Едва притронувшись к обеду, я надел на себя что попало, не удосужившись даже вдеть в штаны новый ремень вместо того, что я по пьяни сломал, и покорно поплёлся к остановке вслед за мамой.

* * *

В это первое майское воскресенье прохожие на многолюдных центральных улицах Калининграда могли наблюдать необычную пару.

С правой стороны шла пожилая женщина, наполовину поседевшая и с сеткой морщин вокруг глаз, свидетельствовавшей о пережитых ей многочисленных волнениях.

А слева от неё медленно брёл рослый, но ссутулившийся молодой человек.

Он не был пьян, но еле переставлял ноги.

В таком возрасте люди обычно радуются наступлению долгожданной весны, но его лицо выражало полную апатию. Полностью сломленный и преждевременно постаревший, он как будто сошёл с иллюстрации к учебнику по психологии, под заголовком «Что значит слишком рано устать от жизни».

Часть 2. Палата номер шесть и номер семь

Вообще-то, по выходным в наркологическом диспансере приёма нет.

Но лечь в стационар на платной основе посуточно можно.

Мать оплатила два дня – на большее денег не было.

Если не оклемаюсь, то придётся оставаться на полный курс, от 10 до 12 суток, бесплатно по полису ОМС. С постановкой на учёт. Правовые последствия которой полегче, чем от судимости, но всё равно неприятные. Это яма, из которой придётся долго и трудно выбираться.

Но во мне уже угасла воля к жизни. Как мне тогда казалось, окончательно и бесповоротно.

Хотелось сбежать хоть куда-нибудь, только бы подальше от дома. Чтобы не видеть заплаканные глаза матери, которой я погубил нервных клеток без счёта.

Первые полдня после протрезвления, проведённые дома, я хоть частично перебивал депрессию, бездумно читая случайные статьи в интернете с телефона.

В больнице телефон забрали. Официально объяснили это моей же собственной безопасностью – чтоб его не спёрли соседи по палате, пока я буду под снотворным. А неофициаль-

но все понимали – телефоны в наркологическом диспансере забирают, чтобы пациенты не звонили друзьям с просьбой протащить в палату выпивку.

Я отнёсся к этому двойственно. С одной стороны, скучно будет без интернета. Ну не сканворды же разгадывать, которые для интеллектуала – примитив. Но с другой стороны, это отмазка в плане того, почему я не выхожу на связь с работодателем, родственниками, знакомыми и другими людьми, которых мне видеть ну никак не хотелось.

Да и вообще жить не хотелось.

Я упустил возможность наложить на себя руки, когда был один в гостиничном номере.

Но мысль по инерции работала в направлении, как сдохнуть безболезненно и надёжно.

Я потерял всё, и если у моего ангела-хранителя есть хоть капля элементарной человеческой логики, он просто обязан отправить меня на тот свет, ибо на этом свете все последующие годы моей никчёмной жизни будут безотрадными.

Вот, например, капельницу ставят – достаточно врачу влить туда не то вещество, и поминай, как звали.

Да и вообще, мне так плохо, что вот-вот не выдержит сердце или откажет печень.

Но Божья воля, по счастью, существенно расходилась с моей злой волей.

Если человек не готов к переходу в иной мир, то этого не произойдёт.

После капельницы я проснулся, и даже как будто трясу́чка ослабла, отдаляя мой организм от столь желанной в тот момент смерти.

Чтобы хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей, я решил почитать какую-нибудь книгу из тех, что лежали на подоконнике.

Я ожидал там увидеть так называемые «книжки для поездов» – низкопробные писульки бездарных авторов в дешёвом одноразовом переплёте, пригодные разве что для того, чтобы скоротать время в поезде дальнего следования и с чистой совестью оставить эту макулатуру в вагонном туалете для санитарного употребления.

Но, на моё удивление, в этой стопке преобладала классика, слегка разбавленная фантастикой и детективами.

Да уж, интересный контингент залетает в сие мрачное заведение.

Мои знакомые поклонники фантастики в своё время прожужжали мне уши восторгами по поводу романа Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Но я, прочитавший почти все произведения Стругацких, до этого романа так и не добрался. Что ж, сейчас самое время.

Страница за страницей, но сюжет не цеплял меня вообще никак. Похмельная депрессия крепко держала мой мозг своими ледяными лапами. А тут ещё и феназепам, от которого строки плывут перед глазами, и в памяти не остаётся почти ничего. Я монотонно занимался механическим перелисты-

ванием страниц, так, чисто галочку поставить – всё, прочёл, отцепитесь от меня все, требующие, чтобы я прочёл это УГ.

До того, как уйти в запой, я пытался читать «Жизнь Клима Самгина», что скачал на телефон. Если бы не забрали телефон, читал бы его. Хотя нет, не осилил бы. Ибо ещё большее УГ. Горький умудрился представить реальность ещё более горькой, чем она есть.

Ирония судьбы. Я так хотел прочесть «Понедельник начинается в субботу», когда гордился своим высоким уровнем интеллекта, чтобы гордиться ещё и тем, что прочёл его. А сейчас – зачем? Это будет последний роман, прочитанный мной, ибо моя жизнь кончена. Не погибну от внешних обстоятельств, так сам сведу счёты с жизнью, которую нельзя и жизнью назвать. Ну и перед кем я буду гордиться, что читал его? Перед демонами ада?

Но я упорно читал, чтобы хоть как-то отвлечься от мыслей о самоубийстве. Бежать, бежать от суровой реальности, куда глаза глядят. В сказку, фантастику, фэнтези – только бы бежать, только бы не возвращаться в реальность, насквозь пропитанную отчаянием и безнадёгой.

Лишь иногда отрывался от чтения, чтобы поесть, покурить и сходить в туалет.

Есть не хотелось. Просто не хотелось конфликтовать ни с кем, и когда разносчики пищи, из числа самих пациентов, кричали: «Завтрак!» или «Обед!» или «Ужин!», я машинально вставал с койки и безразлично плёлся в столовую.

КуриТЬ хотелось сильнее.

Но тоже не особо сильно.

Я посещал курилку, только когда от чтения уставали глаза. А ещё потому, что сигареты были, и жаба душила, что соседи по больнице все расстреляют, надо и самому скурить хоть сколько-нибудь.

Вечером моего первого дня в больнице вся курилка бурлила. Но я остался безучастным и к этому событию. Это потом, когда я уже выздоровел, я с интересом искал упоминание этого события в криминальных хрониках. А сейчас просто смотрел на то, что решётка на окнах открыта, и медперсонал носится, как в ж**у ужаленный, с криками: «Сбежал! Сбежал!» Какой-то неугомонный малолетка, взломав замок на оконной решётке, прыгнул со второго этажа и дал дёру.

А мне некуда бежать. От себя не убежишь.

Следующий день, понедельник пятого мая, я дочитывал роман Стругацких, потому что не знал, согласятся ли мать и врачи оставить меня на полный курс, или уже завтра придётся выписываться домой.

Несколько лет назад меня приводила в ужас перспектива встать на учёт в наркологическом диспансере. Теперь мне была приятна и мила возможность запереться изнутри в клетке от проблем и тревог, которые неизбежно на меня навалятся по выходе из этих стен, пропитанных больничным запахом.

Но даже если выписываться завтра, тот факт, что у меня

есть возможность спокойно и безмятежно поспать хотя бы одну ночь, вызывал у меня иллюзию защищённости. Как у эмбриона в материнской утробе. Вот бы снова залезть в материнскую утробу, чтобы заново родиться и изменить хоть что-нибудь в моей навеки загубленной судьбе. А коли это невозможно, так хотя бы отсрочить час расплаты, когда мне придётся отвечать за свои проступки, хотя бы на один день.

Есть даже песня такая:

«С утра есть иллюзия, что всё не так уж плохо –

С утра ещё есть сказка со счастливым концом».

Наступило утро, и суровая реальность взяла своё – завтрашний день, о котором я желал, чтобы он никогда не наступил, оказался рядом со мной, здесь и сейчас.

В назначенный час у кабинета заведующего вторым отделением стояла мать.

– Ну что? Будешь становиться на учёт или готов выйти на работу? Посуточно я больше тебя держать не смогу – нет больше денег за великовозрастного обалдуя платить.

Я артистично подыграл себе, усилив остаточные явления в виде лёгкого дрожания рук:

– Какая, ёлки-палки, работа, когда меня ещё всего ломает?? На полный курс, так на полный курс – куда я нафиг денусь с подводной лодки.

На самом деле, на выходе из запоя не так страшно физическое страдание организма, как полная апатия и абсолютное нежелание жить. Так и мне хотелось забраться под одея-

ло с головой, чтобы не видеть никого и ничего. А ещё лучше, исхитриться заткнуть одеяло за кровать герметично и задохнуться от нехватки воздуха, но это уже из области антинаучной фантастики.

Мать же, наоборот, всеми силами старалась вернуть меня в реальный мир, рассказывая о том, что там происходит:

– Твой портфель с договором, привезённым из Вильнюса, нашли. Поэтому твой директор тебя пока ещё не увольняет, а думает, оставить в коллективе или заменить, но окончательное решение ещё не принято. Позвони ему по возможности, объясни ситуацию. Быть может, он ещё простит тебя и позволит искупить свою вину ударным трудом...

– Ага, конечно, – не сказал я, но подумал, – буду я ещё перед ним пресмыкаться. Обрубать концы, так насовсем. А вслух заметил, что при поступлении в больницу сдал телефон, который теперь лежит в сестринской, в сейфе, и наверно, уже разряжен.

Но мать и об этом позаботилась – зарядку для телефона вместе со сменой белья мне принесла. И указала на то, что в случае экстренной необходимости телефонами пользоваться всё-таки разрешается.

Но я не собирался возобновлять связь с внешним миром до самой выписки.

Десять дней, ещё десять дней полного покоя, без связи с внешним миром, и никакой ответственности – чего ещё можно в депрессии желать?

Разве что, покурить.

Я стал разбирать передачу – смена белья, зарядка, булочки сладкие, минералка...

– Лучше бы курева привезла! – повысил я голос на мать и пошёл по коридору, чтобы сложить вещи в тумбочку у своей кровати.

– Постой, не уходи, – ответила она вслед, – покажи хоть, куда тебя положили.

Наверно, хоть она меня сюда и сдала, в глубине души не хотела со мной надолго расставаться.

– Закон подлости, – ответил я с сарказмом, – в палату номер шесть, точно по Чехову.

И впервые с момента выхода из запоя улыбнулся.

Если я сохранил способность шутить, значит, я ещё жив.

* * *

Самым значительным событием, позволяющим пациентам диспансера, и так психически нездоровым, не сойти с ума от депрессии и скуки, было прибытие новичков. Пока они лежали под капельницей, «старожилы», находящиеся на лечении уже не первый день и потихоньку начинающие проявлять интерес к жизни, увлечённо обсуждали в курилке, кто как сюда попал, кем является «на гражданке» и насколько тяжёлое у него состояние.

Я почти что равнодушно поделился с соседями по муж-

ской палате впечатлениями о том, что прошлой ночью хотел поспать подольше, чтобы посмотреть яркие цветные сны, позволяющие оторваться от серой унылой реальности. Но не получилось, из-за того, что в женской палате какая-то бабка всю ночь напролёт звала своего мужа и во весь голос причитала, будто бы её хотят убить.

Пришлось медперсоналу привязать её к кровати, но она и обездвиженная не переставала орать.

Бабы подключились к обсуждению и красочно описали, какими именно способами им хотелось кричащую соседку по палате вычеркнуть из списка живых.

Я намеренно употребил слово «бабы», потому что большинство пациенток хотелось назвать именно так. На женщин и тем более девушек они не тянули. Преждевременно постаревшие, неухоженные и непричёсанные, с пропитыми до хрипоты голосами.

Впрочем, некоторые из них были не такие и даже совсем не такие. Особенно, близящиеся к выписке, которые уже отошли от последствий запоя и оживали на глазах. В частности, дамочка средних лет, помогавшая медсёстрам в уборке помещения, к которой один из моих соседей по палате пытался клеиться.

А когда вечером шестого числа дежурный персонал уже скомандовал отбой, но смотрел сквозь пальцы, как пациенты слонялись по коридору с выключенным светом, чтобы в умывальнике покурить, мы слышали из умывальника за же-

лезной входной дверью шум и крики, словно там была борьба. И когда эта дверь отворилась, поняли: этой ночью скучно не будет.

* * *

А за стенами больницы жизнь шла своим чередом. Днём люди зарабатывали на хлеб с маслом, а вечером развлекались и отдыхали.

Во вторник, как стемнело, несмотря на то что большинство людей завтра утром должно было выйти на работу, в баре «Вудсток» собралась толпа.

Пока что играла музыка в записи, но живые музыканты уже готовились к выступлению.

В этом заведении ди-джей не увлекался выкручиванием регулятора громкости на максимум, так что в зале можно было сносно общаться.

За одним из столиков сидела типичная пара, как будто сошедшая с телеэкрана из какого-нибудь сериала – гламурная модель в вечернем платье и на каблуках, а с ней молодой, но богатый мажор в костюме не его фасона, но брендовом с претензией на элитность.

Мужчина пытался расслабиться, но заметно нервничал.
– Думаю, что она ничего не подозревает. Я ей сказал, что иду играть в бильярд с друзьями. И почти не соврал. Вот же, бильярдные столы стоят. Не желаешь ли партию? – попытал-

ся он перевести разговор на шуточный лад, чтобы избавиться от гнетущих мыслей.

– Как-нибудь в другой раз, – ответила девушка стандартной формой вежливого отказа и наигранно хихикнула.

Женатый любовник от напряжения стал откровенничать перед своей пассией. Тем более, они встречались уже не первый раз, и ему показалось что пришла пора объяснить партнёрше серьёзность своих намерений.

– Мы с Ольгой – почти полная противоположность. Живём вместе уже два года, и вместо того чтобы сближаться, чувствуем себя совершенно чужими. Устал я от выкрутасов эксцентричной девки, – покачал головой парень, вздохнул и продолжил, – говорил, настаивал, орал: «Выбрось ты эту блажь из своей дурьей башки!» а она упёртая, как баобаба...

– Каких-каких баб? – простодушно переспросила его спутница. Она знала о слабости ухажёра выделяться своим далеко не выдающимся интеллектом на фоне других, и поэтому старалась казаться ещё более недалёкой, чем есть на самом деле.

– Баобаба, дерево такое, – сердито процедил мужчина, раздражённый тем, что его монолог прерывают, – ну ладно, пусть будет упёртая как дубина. А насчёт баб, у меня такое мнение, что женщина не должна иметь убеждений, отличных от мужа. А должна накрывать вкусный стол, носить красивое бельё, может быть помогать по бизнесу если есть мозги, но всё равно не высовываться, когда не просят. А не как моя –

шляется вечерами, распевая песенки по кабакам. Второразрядная певичка, возомнившая себя звездой первой величины. Тоже мне, Наташа Королёва!

– Она тоже Наташа, как и я? – переспросила девушка.

– Да нет же, Ольга она, память твоя девичья! – опять зашёлся собеседник.

Всё-таки, девушка переигрывала, изображая простушку.

А мужчина продолжал жаловаться ей на жену:

– Стабильности я хочу, постоянства, предсказуемости. А у моей настроение скачет как на американских горках. То пускается во все тяжкие, накачивается выпивкой до посинения, а то и запрещёнными веществами. И запирал её на втором этаже, и охрану приставлял – так ведь удирает, пацанка, как кошка в любую щель пролазит, лишь бы с дома родного свалить. А в перерывах между пьянками, вроде как пытается браться за ум. Но последнее бывает хуже первого. Как начнёт читать мистику всякую, что не разбери-поймёшь. Какких-то монахов древних. Или хуже того, бесконечно таскает в дом монахов и монашек, один вид которых нагоняет на меня тоску. Они же и по-русски толком не говорят. Всё по церковно-славянски. Прямо как мой папаша, хоть и нехорошо ругать покойника, но он своей кондовой религиозностью с детства привил мне ненависть ко всему церковному и всему славянскому.

– А ты веришь в Бога? – спросила девушка, робко пряча под платье нательный крестик.

– Я атеист.

– А она?

– Православная.

– Так зачем же ты на ней женился, если вы такие разные?

Девушка только внешне разыгрывала из себя дурочку, а на самом деле знала толк в интригах. И ненавязчиво подталкивала ухажёра к решительному шагу – объявить о своём намерении развестись с женой и жениться на ней.

– Я не хотел, – уныло вздохнул мужчина, – папа заставил, – он у меня застрял в средневековье. Член калининградской старообрядческой общины. Ну чпокнул я на празднике тёлку по пьяни. Ну залетела она от меня. Я бы дал ей денег на аборт, для меня это один раз не пообедать. А батя встал в позу – жениться и растить ему внука вместе. И от кого? От приживалки безродной. Отца посадили, мать спилась. Ну какая у неё может быть наследственность? А он как разорался: «Делай, как я сказал, а то вычеркну из завещания!» Ну и куда ж ты денешься, когда разденешься?

А самое обидное, что ребёнок погиб, но отец и слышать не хотел о разводе. Такое ему тоже, видите-ли, религия не позволяет.

Но ситуация изменилась. Старикашка скончался в августе прошлого года. В 59 лет, несмотря на свой высокоморальный образ жизни, ха-ха. За полгода я вступил во все права наследования, и теперь я собственник среднего бизнеса, средних размеров особняка, плюс вилла на Лазурном берегу (глаза

его страсти жадно вспыхивали во время перечисления) ... В общем, свободный и счастливый молодой человек, завидный жених. Разведусь, ей-богу разведусь. Мне даже адвоката нанимать не придётся – я сам по специальности адвокат. Захочу и выставлю взбалмошную истеричку из моего дома без гроша в кармане.

Его спутница сжала всю свою волю в кулак, чтобы не завыть от радости.

И не слышала, как он пытался закончить свою тираду:
– Совсем оборзела, сучка крашеная. Сегодня утром ходила по дому с телефоном и орала во всю свою лужёную глотку: «Алё, Мики, ты не понял, мне нужен фен⁴!» Открытым текстом, не стесняясь никого. Повезло ей, что у нас особняк, а не панельная многоэтажка. Там бы хоть кто-то да заложил. Ну ничего, покажу я и этому здоровяку Мики, который наверняка её дерёт, и остальным её корешам-наркоманам, где раки зимуют...

Дальнейшие его реплики заглушил поднявшийся в зале одобрителный гул, потому что в это время на сцену уже выходили музыканты.

Гитарист, басист, барабанщик – не хватало только певицы. Которая задержалась в подсобке, подогреваясь допингом

⁴ В данном случае под феном подразумевается не прибор для сушки волос. А жаргонное название амфетамина – сильнодействующего стимулятора, который по закону относится к наркотическим веществам и запрещён к распространению.

перед выходом.

Сам хозяин заведения зашёл её поторопить, прощая ей всё, кроме срыва выступления:

– Давай быстрее, люди ждут.

На что она ответила в обычной развязной манере, отхлебнув коньяк прямо из горлышка и закусив печеньем:

– На творческую личность нельзя давить. Кстати, помнишь украинские печенюшки? Вскоре после нового года, когда майдан был, польские байкеры перехватили партию печенья с амфетамином, которое предназначалось для придурков, митингующих в Киеве, и доставили к нам в Кёниг. Но оно уже кончается. Это одно из последних. У тебя есть аналогичное? Шучу. Ещё по глоточку, и я готова.

Когда она наконец-то появилась, зал загудел ещё громче.

С расстояния до сцены не было видно, что у певицы под кайфом красные глаза. Но в свете прожекторов было очень хорошо видно покрашенные огненно-рыжим волосы.

– Чумаков, начинай! – небрежно бросила она гитаристу.

От дозы стимуляторов, большей чем обычно, голос срывался на крик, отчего исполнение быстрой и энергичной песни казалось ещё более эффектным, чем в оригинале Дебби Харри.

В середине песни следовал длинный проигрыш. В это время вокалистка шурила близорукие и изрядно залитые глаза, пытаясь разглядеть в зале того, кто надел ей кольцо на палец.

Оттого же она решилась намешать алкоголь с наркотой.

Чтобы предпринять последнюю отчаянную попытку привязать его к себе. И думала мысль, так и норовящую спутаться в голове, что она чуть не пропустила момент, когда вокал снова должен вступить. Всё-таки, последняя рюмка была лишней. А может быть, и две.

– Он сказал, что пойдёт играть в бильярд в клуб на Ленинском проспекте. Это не единственный клуб на Ленинском. Но клубов с бильярдом не так много. Надеюсь, всё-таки совпало, и он в зале. Ну уж если после песни Блонди “Denis, I’m in love with you⁵” ты не проникнешься хоть чуть-чуть, то горбатого могила исправит. Всё время, сколько мы женаты, ты холоден как металлический столб в морозную ночь. Ты задолбал, Денис. Или я заставлю тебя полюбить меня или плюну в твою самодовольную харю и свалю на все четыре стороны. Думаешь, не выживу одна? Да ты ко мне ещё на коленях приползёшь от тоски, что потерял такую красотку. А не приползёшь... Плевать, плевать, на всё плевать!

Выждав паузу между песнями, уже было пора играть первые аккорды. Но вдруг вокалистка углядела что-то понятное лишь ей одной и поманила пальцем остальных музыкантов. Те, уже привыкнув к тому, что эта творческая натура часто по ходу концерта меняет репертуар, даже не удивились. Она что-то прошептала в отключенный микрофон, затем снова включила его и выкрикнула ещё раз, но уже едва сдерживая

⁵ “Denis, I’m in love with you” – дословный перевод «Денис, я влюблена в тебя». Название песни из репертуара певицы Blondie, по паспорту Дебби Харри.

слёзы:

– Чумаков, начинай!

Под мелодичные переборы гитар, в этот текст она вложила всю свою боль и ненависть одновременно. Песня брошенной женщины, внезапно обнаружившей, что она является для своего ухажёра не любовью всей своей жизни, а всего лишь сиюминутным, ничего не значащим увлечением:

It's a heartache

Nothing but a heartache

Love him till your arms break

*Then he lets you down*⁶

С каждой строчкой певица повышала голос, и дойдя до припева, уже надрывно кричала, как будто от физической боли:

It ain't right with love to share

When you find he doesn't care for you

⁶ Это сердечные муки Ничто иное, как сердечные муки Любишь его с надрывом до острой боли А потом он тебя предаёт Из песни Бонни Тайлер “It’s a heartache”, дословный перевод «Это сердечная боль».

It ain't wise to need someone

*As much as I depended on you*⁷

Едва закончив последнее слово, она выбежала со сцены в зал, одной рукой потрясая радиомикрофоном, а другой снимая с плеча электрогитару.

Такого не ожидал никто.

Хозяин бара вышел из-за стойки:

– Оль, я не понял!

– Сейчас поймёшь, – гаркнула она ему в ответ, так посмотрев, что одним взглядом могла бы воспламенить бутылки с крепкими напитками.

Оказавшись у столика, где беседовали мажор с моделью, она стала орать, забыв, что микрофон ещё включен:

– Ну? И как это понимать? При живой жене ходишь на б***ки? Эй ты, шлюха, отвали от моего мужика! – и Ольга ударила любовницу своего мужа микрофоном по голове, отчего в динамиках поднялась невообразимая какофония, заглушившая её следующий возглас:

– А тебе, кобель, я своими зубами член откушу, чтобы нечем было изменять!

⁷ Ну, разве так и должно быть, отдав любовь, Узнать, что ему плевать на тебя Ну, разве это удел умных, нуждаться в ком-то Настолько сильно, насколько я зависела от тебя Продолжение той же песни.

Воспользовавшись замешательством всех людей от неожиданности, она ударила и мужа, разбив вдребезги гитару об его череп.

Через две секунды, наконец-то, опомнились сидевшие за другим столиком охранники бизнесмена и связали руки вышедшей из себя жене подручными средствами.

– Закрыть психопатку... наркоманку... в самую грязную и вонючую палату диспансера... и чтоб не открывалась никогда, – медленно отходя от шока скомандовал муж охранникам, махая правой рукой в сторону выхода из бара, а левую прижимая к кровоточащей ране на голове.

Идти от бара на Ленинском проспекте до диспансера на улице Барнаульской совсем недалеко – перешёл дорогу и там. Охранники даже не стали брать машину – понесли свою узницу как есть. Сзади понуро брёл ушибленный супруг.

Немногочисленные прохожие на проспекте в двенадцатом часу ночи рабочего дня и внимания на это зрелище не обратили. В том, что дюжие мужики выносят из кабака брыкающуюся закосевшую девицу, они не увидели ничего выдающегося.

* * *

Железная дверь, закрывающая вход во второе отделение наркодиспансера, отворилась в неурочный поздний час, и два здоровых мужика втащили в неё совсем молодую дев-

чонку. Явно невменяемую. И буйную. Следом вошёл ещё один мужчина. Который сразу проследовал к дежурному врачу, о чём-то пытаясь с ним договориться.

Девуцу, пока суд да дело, втолкнули в умывальник, где как обычно тусовались курильщики. Она уже почти что выбилась из сил буянить и пыталась перевести дыхание. Завидев нового пациента, сразу же налетела толпа тех, кто в больнице уже давно, и у них закончились сигареты. Девушка оказалась курящей и раздала всем страждущим по сигарете, после чего сама закурила. А закончив перекур, уставилась в зарешёченное окно, выходящее во двор соседнего жилого дома.

По дорожке мимо этого двора прошла какая-то молодая женщина, которую вновь прибывшая пациентка с пьяных глаз и в темноте приняла за свою подругу.

Минуту назад казавшаяся совсем обессиленной, девушка вскочила на решётку окна с ногами, руками стала трясти решётку, пытаясь вырвать, и заревела во всю глотку:

– Кристина-а-а-а! Как отсюда вылезти-и-и?!

Пациенты ржали в голос:

– Уже никак.

Тут мужчина в костюме вышел от врача со свежей повязкой на голове и переспросил:

– Значит, мы договорились?

– Так точно, – ответил врач и пожал ему руку.

Пациентку передали медперсоналу, а господу в костюмах

шагнули в железную дверь.

Неугомонная девка всё ещё пыталась вырываться из рук санитаров:

– Денис козё-ё-ёл! А ты, Ленка, су-у-у-ука!!

– Она не Лена, она Наташа, – устало вздохнул Денис, обернувшись на пороге, и закрыл дверь с той стороны.

Буйную пациентку освободили от верхней одежды и впихнули в женскую палату. Обитательницы этой палаты глухо роптали, что вчера была бабуля с белкой, теперь молодуха будет реветь как белуга всю ночь. Но слушать рёв не пришлось. Санитары привязали пациентку к кровати и всадили ей лошадиную дозу снотворного. Пусть дрыхнет до утра, не мешая дрыхнуть им. А потом уже будем капельницы ставить.

Зрелище кончилось, толпа рассеялась.

* * *

Следующий день в больнице начался как обычно. Я уже понял, что теперь здесь надолго, и занялся тем же, чем за несколько лет до этого, когда, также помимо своего желания, попал в казарму. То есть, пытался добывать по мере возможности чай, кофе, сигареты и тому подобное.

И во время перекура в умывальнике после обхода врачей гонял в мозгу самооправдание, что это я не опустил, а вспомнил армейскую юность, закулив такие особенные сигареты. Хотя, дым был всё равно противный, потому что ку-

рил сигареты без фильтра.

Их уже тогда редко можно было найти в продаже в городе. Но в глубинке области они ещё встречались. И мне удавалось стрельнуть их у деда, которого привезли из села неподалёку от литовской границы.

Похоже, никто не знал имя и отчество этого старика, кроме врачей что его оформляли. Все пациенты его звали просто Дед. Может быть, он и сам их не помнил – я не спрашивал.

Ходили слухи, что он здесь очень давно. Если всех выпивают после двух недель пребывания, то его родные дети сдали по случаю белой горячки после 23 февраля, и он до сих пор лежит в этой палате как неприкаемый.

Никак память восстановить не может.

Каждое утро начинается с одних и тех же вопросов, так что даже никому уже не смешно:

– Где это я? В тюрьме? А какое сейчас время года? Зима?

Но алкоголики – народ циничный. И вместо сочувствия к старому больному человеку, соседи по палате используют в своих интересах то, что он не помнит, сколько у него осталось сигарет и кому он их давал только что. Его дети экономят – покупают отцу сигареты без фильтра. Но и это лучше, чем ничего.

Зашёл татарин с пачкой Мальборо. Этого я сразу заметил, что он в отделении – нечто вроде смотрящего. Он имел медицинское образование и помогал санитарам ставить ка-

пельницы. И за это они его подкармливали разными вкусами. И позволяли ему некоторые вольности. Кроме выпивки, естественно.

За выпивку выгоняли сразу.

Но из всех пациентов такой борзый, что керогазил прямо в больнице, был только один. Продержался три дня, потом спалился, потому что конспиратор из него никакой.

Но речь сейчас не про него. И даже не про татарина.

Самое интересное событие началось, когда следом за ним появилась героиня вчерашнего вечера.

Она была в тех же кожаных штанах. Но уже без косухи. А в одной майке с открытыми плечами. В начале мая по утрам ещё довольно прохладно, а в умывальнике была постоянно открыта форточка настежь, чтобы выветривался табачный дым. Но похоже, что девчонке, страдавшей от жёсткого отходняка, это было глубоко параллельно.

Завтрак она проспала, тётки добудиться её не смогли. Только после обхода кое-как глаза продрала и медленно побрела в умывальник, держась рукой за стену.

А дойдя до заветного крана, сразу открыла воду и, не обращая внимания, холодная вода течёт или горячая, сунула под неё свои густые длинные волосы, взяла первый попавшийся кусочек мыла и принялась их хаотическими движениями намывать.

Процесс продолжался долго, так что казалось, будто бы она уснула и многократно повторяет одни и те же движения

во сне.

Но, рано или поздно она очнулась. Подняла свою шевелюру из раковины, отвела правой рукой волосы от лица, чтобы видеть зеркало, и безнадёжно простонала:

– Ох и лохудра-а-а...

Затем стала смывать мыло с волос, и тут я обратил внимание, что на левом плече у неё наколота рысь, а на правом предплечье крупным готическим шрифтом написано «Лёля», через ё с точками.

Новенькую стали обсуждать, не стесняясь её присутствия.

– И чем же она так жёстко вмазалась, что так жестоко страдает? – выпалил непонятно кто.

– Коньяк с амфетамином, – сердито буркнул татарин, точнее других знающий диагнозы.

– Смелое сочетание, – заметила одна тётка и прокомментировала, – допрыгалась девка. Муж закрыл сюды, слишком резво буянила пьяная и обдолбанная. Мне бы так – с моим начнёшь бузить, костей не соберёшь.

А татарин продолжал не менее сердито, хрипя и покашливая от крепкого табака и прохладного сквозняка:

– В другом бы пример с неё брали. Настоящая женщина. В любом состоянии следит за собой. Не то, что некоторые, без слёз не взглянешь.

– Себя-то в зеркало видел, со своей трёхдневной щетиной? – обиженно надулась тётка, начавшая этот разговор, – тоже мне, мачо, блин.

Я мысленно понимал, что прав татарин, но возразить обиженной женщине вслух у меня духу не хватило, потому что за несколько минут до этого я, решив разнообразить свой табачный рацион, стрельнул у неё вкусную сигарету с фильтром. С учётом того, насколько вообще позорно мужчине стрелять сигареты у женщин, я тем более молчал в тряпочку.

А настоящая женщина и внимания на этот трёп не обращала. Закончив водные процедуры, она выжала хвост волос прямо на пол, попала струёй ледяной воды на свои босые ноги в открытых сланцах, от этого матюгнулась, как прораб на стройке, и пошла в обратный путь до палаты, также держась рукой за стену.

Перед обедом к ней пришли какие-то быки, вероятно от крутого мужа. Она стояла рядом с ними, понуро опустив голову, а выслушав, злобно гаркнула «Да пошёл ты!» и ушла в палату, не дождавшись пока они сами уйдут. И весь день до ужина лежала в своей кровати, свернувшись калачиком, как замёрзший бездомный котёнок.

У меня к тому времени уже начали восстанавливаться естественные рефлексy, так что я после ужина открыто высказывал своё недовольство маленькими размерами порций, способных насытить разве что первоклассника.

И с нескрываемым сочувствием смотрел на стол той девушки. Весь ужин она сидела неподвижно, даже не притронувшись к еде – так и ушла, оставив тарелку наполненной. Полная потеря аппетита – это серьёзно. Либо очень сильный

бодун, либо очень сильная депрессия. Либо и то и другое вместе.

Когда в палате на несколько человек кто-то храпит, наиболее везучими считаются те, кто засыпает раньше него.

В эту ночь первым заснул сильно храпящий старик в углу.

Не тот, что потерял память, а ещё один. Этот ещё не выжил из ума. Между обедом и ужином его навестила супруга. Чай привезла, сладости. Курева, правда, не привезла – он был некурящий.

Под чаёк он разговорился и рассказал о том, что запил на радостях оттого, что вылечился от рака.

Вот как бывает – от одной страшной болезни вылечился, в другую вляпался.

А ночью нам всем своим храпом спать не давал.

И я, будучи не в силах заснуть в таком шуме, в который раз гонял в своей голове мысли о том, как жизнь несправедлива.

Я помнил, как всего неделю назад случайно встретил молодого парня, умирающего от рака, что пьянствовал, пытаюсь забыть страх смерти. Сколько бы он мог сделать полезных дел себе и людям, если бы Бог продлил ему жизнь.

А тут зрелый дядька получил офигенный второй шанс с небес. И вместо того, чтобы срочно проводить инвентаризацию своей жизни, пошёл по пути наименьшего сопротивления и продолжил её растрачивать на алкоголизм.

Кто бы дал второй шанс мне? Физически моей жизни ни-

чего не угрожает. К сожалению. Потому что моё социальное положение таково, что моя жизнь кончена. Работу я уже почти на сто процентов потерял. И куда мне идти с учётной записью в наркодиспансере и с записью в трудовой книжке «Уволен за пьянство»? Разнорабочим на стройку за минималку без контракта – с красным дипломом инженера-радиофизика и семью годами опыта работы в IT?

В одной из мужских палат лежит строитель, работающий на руководящей должности. Уже отошёл и выздоравливает. Он обошёл всех присутствующих здесь мужиков и спрашивал, есть ли рабочие строительных специальностей, чтобы из них сколотить бригаду. Эти ребята, наверно, по выходе из больницы бросят пить, хотя бы из чувства благодарности к нему, не побрезговавшему взять их на работу, и к Богу, что дал им второй шанс.

А что же я? Кто даст мне второй шанс, кто?

В нашей палате тоже есть бизнесмен. Только спившийся. Мы обменялись телефонами, и он после выписки обещал подействовать в моём трудоустройстве. Вот только надежды на него никакой. Алкоголик, наркоман. Такой подставит – недорого возьмёт. По себе знаю, как спьяну людей подставлял – много чего обещал, но не выполнял обещания.

А есть бывший крутой бизнесмен. Точнее, он думал, что он крутой, в начале нулевых. Когда поднимал по 400 тысяч рублей в неделю. Этими воспоминаниями о прошлом он и живёт. Потому что в настоящем, перед тем как попасть на ле-

чение от алкоголизма, стрелял на автобусной остановке мелочь на портвешок у прохожих. Жизнь сурова, и тот, кто сегодня упивается в дорогом ресторане армянским коньяком или французским шампанским, лет этак через десяток-другой непременно начнёт глушить в парке на скамейке «Три семёрки» из горла.

Неужели и меня такая участь ждёт неизбежно?

Один раз я уже был вынужден побираться.

В уже упомянутом ранее случае, когда был избит и ограблен в Москве, у станции метро Речной вокзал. У меня не оставалось другого выхода, кроме как добираться до одного из московских друзей, жившего у станции метро Семёновская, но это в другом районе, 22 километра от места, где я пострадал. А в метро проехать зайцем невозможно, вот и пришлось просить у случайных прохожих мелочь. Стыдно было – не то слово.

Справедливости ради замечу, что тому досадному происшествию тоже виной алкоголь. Ну разве пришло бы в голову трезвому в чужом городе распивать водку со случайными собутыльниками? И конечно же я после этого не досчитался наличности и телефона.

Да что уж теперь ворошить давнее прошлое.

В недавнем прошлом картина, тем более, безотрадная.

Чуть только начинаю подниматься – устраивается карьера, материальное положение, личная жизнь. Как вдруг запил и всё потерял. Различается только продолжительность пери-

одов между злосчастными днями, когда я слетаю с катушек и пускаюсь во все тяжкие. И какой бы мне ни выдался счастливый день, к радости жизни примешивается страх, что всё равно когда-нибудь я, сам того не желая, в очередной раз наступлю на алкогольную мину, и улетит моё счастье, словно и не бывало.

Напрашивается историческая аналогия.

В средние века русский народ жил (точнее, выживал) в условиях татаро-монгольского ига.

Женились, рожали детей, сажали деревья, строили дома.

И вдруг, когда меньше всего ожидают, приходят татары – сжигают дома, срубают деревья, убивают жён, детей в рабство угоняют. И приходится снова начинать жизнь с нуля.

Так и я: приобрёл материальное положение, уважение близких, профессиональные навыки. В одночасье всё спустил. И всё сначала.

Кто избавит меня от ига злобных демонов, которых хлебом не корми, дай только поиздеваться над попавшей в их лапы игрушкой из живого человека?

Боже мой, Боже мой, для чего ты меня оставил?

* * *

Восьмого мая заместитель главного врача совершил обход, и на все выходные ушёл домой.

Больные остались предоставлены самим себе.

Если не считать оставшийся в больнице дежурный персонал.

Штат этих врачей и санитаров представлял собой довольно пёстрое сочетание людей с весьма различными взглядами на жизнь.

В принципе, их можно разделить на три больших категории.

Первая – самые нормальные. Те, кто просто делает свою работу. Т. е., следят чтобы больные соблюдали правила, но не слишком строго. Нет анархии, но нет и тирании. Золотая середина.

Другая категория – худший вариант. Фанатичные чистюли, ничего крепче маминой сиськи не пробовавшие. Страшно гордятся своей рафинированной трезвостью. Пациентов тихо ненавидят, и в отместку пытаются максимально ужесточить им казарменный режим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.